

Предисловие

Роман не претендует на историческую точность относительно описания восточного похода Искандера Малого. Однако опирается на известные научные факты, а художественный вымысел в нём, всего лишь заполняет белые пятна истории. Что же касается эпохи позднего СССР, то, кроме общих событий, некоторых героев, а также декораций времени и места – всё вымысел: никто Авесту никогда не искал...

Глава 1

9268 год от начала мира, согласно Авесте
5178 год от библейского Сотворения мира
3911 год от начала Египетской цивилизации
330 год до Рождества Христова

Начался снег. В месяц перетиос¹ обильные осадки были не редкостью в этой части некогда могучей, но теперь почти полностью покорённой Персии. Покорённой, потому что македонские пейдзейтары уже два месяца как хозяйничали в захваченной ими столице Персеполе. А почти, так как великий царь Персии Дарий III успел бежать в свою северную сатрапию Мидию, где в Экботанах, вроде как пытается собрать новую армию, взамен разгромленной при Гавгамелах. Четыре тысячи стадий² до столицы бывшего мидийского царства – немалое расстояние для любого войска, тем более в преддверии зимы. Посоветовавшись со своими полководцами и отклонив предложение гиппархов³ нагнать потрепанных «бессмертных» (личную гвардию) и тем самым, покончить с Дарием, Александр III – царь македонский, решил не рисковать и отложил окончательный разгром персов на весну. Тем более, доставшиеся в Персеполе трофеи превзошли все самые радужные ожидания победителей и требовали тщательного учёта, вывоза и главное, изучения. Как раз последний аспект и заставил Александра в это ненастное утро попросить остаться у себя Таис и дожидаться, когда Птолемей Лаг приведёт во дворец какого-то старца, местного священнослужителя, коих в греческих землях называли магами.

Почтенный служитель культа Зороастра согласился поведать царю содержание древних текстов, ранее случайно обнаруженных в «крепости писаний» Диз-и Нипишт близ города Истахр, что всего в двадцати стадиях от дворца персидских шахов по дороге в Пасаргады. А Таис как нельзя лучше разбиралась в верованиях и религиях бесчисленных народов и племён, разрастающейся македонской империи.

¹ Январь по македонскому календарю.

² 230 метров.

³ Командиры отрядов конницы.

Если честно, именно она, по просьбе своего друга Птолемея, ещё накануне вечером в беседе с Александром, убедила его снизить до позволения личной аудиенции персидскому жрецу:

— Александр, ты мудрый правитель и просвещённый эллин, позволь, тебе старик сам расскажет о смысле найденных писаний. Он утверждает, что эта древняя Авеста: священный свод знаний персов и основа их религиозных взглядов, — стараясь не выдавать волнения, ответила девушка на просьбу потомка Зевса пояснить всю ценность нечаянной находки.

Александр с заходом солнца пригласил подругу, дабы посоветоваться, стоит ли найденная огромная куча выделанных и уже дурно пахнущих воловьих шкур, испещрённых никому не понятными письменами, того, чтобы вывезти их в метрополию. На самом деле, решение сжечь древние артефакты, Александр принял сразу, как только его архивариус и личный секретарь Эвмен, сообщил о тайнике со священными текстами огнепоклонников. Однако Птолемей, верный друг и сводный брат царя, узнав о принятом решении, прислал уже двух гонцов, умоляя в письмах пока не делать этого, а дожждаться его прибытия из соседней провинции, откуда недавно доставили беглого дастура⁴. А вчера, вероятно, чувствуя, что преданный Эвмен исполнит царскую волю раньше, в очередном послании попросил Александра принять Таис. Девушка успела побеседовать со старцем и была готова убедить правителя в важности манускриптов.

Царь не мог отказать своему верному единомышленнику и тем более Таис: прекрасной афинской гетере, что следовала за его войском и была истинным украшением придворных сисситий. Её упоминание взволновало заскучавшего правителя... да и уверенности в том, что Эвмен не ошибся с находкой, у него не было тоже.

— Сотни обозов с лошадьми, — вслух размышлял Александр, — и под тысячу вьючных верблюдов, бесконечным потоком уже второй месяц тянутся из Персеполя на запад, а вывезли пока лишь только золотые и серебряные изделия, часть нежнейших тканей и благоухающих специй. Для отправки странной находки потребуется как минимум десяток столь недостающих сейчас повозок. При всём при этом её ценность окончательно сойдёт на нет уже к середине пути: древние и примитивно выделанные пергаменты хранились в постоянном холоде скального грота несколько столетий, и уже сейчас чернила сильно померкли. А извлечённые на свет и влажный воздух, письмена окончательно утерпят контрастность, и тогда стоимость шкур будет определяться лишь количеством шатров верблюжьих погонщиков, которые возможно ими накрыть в непогоду, — он взглянул на

⁴ Высший священнический чин в провинции у зороастрийцев.

огонь в очаге, после чего резюмировал: — Хорошо, дождёмся утра и послушаем Птолемея с его магом... о каких таких знаниях говорить в полусгнивших пергаментях варваров.

Таис сидела рядом на маленькой скамейке, обитой красной парчовой тканью, и смотрела на царя снизу вверх. Молодой правитель полулежал на ковре, устилавшем помост с золотым тронем шахиншаха, опершись на руку и подперев спину ворохом цветастых подушек. Огонь метался в застенках камина, и, словно в отместку за свою несвободу, пленил взоры людей, замиряя в них мысли и эмоции.

В полумраке дворца, Александр с трудом оторвал взгляд от языков пламени и с загадочной улыбкой посмотрел на противоположную стену:

— Таис, ты знаешь, что мне тогда в Египте поведал оракул Сивы?

— Только-то, мой Царь, что ты прилюдно огласил имя твоего истинного прародителя, бога Амона – Ра, — подруга с восхищением посмотрела на собеседника, почтенно чуть кивнув.

— Это не всё. Он предрёк, что мне предстоит выйти за пределы Ойкумены и покорить народы гор, чьи вершины столь высоки, что сам Олимп оттуда может показаться лишь жалкой скалой в Фессалии, — Александр громко рассмеялся и указал подбородком на стену, где его тело и подушки за спиной образовали тень, напоминающую могучий горный хребет. — Интересно, где такие горы... и зачем я их буду покорять?

— Не гневи Богов Олимпа, мой Царь, а то Зевс не посмотрит на родство с тобой и покажет всю мощь своей власти, — девушка тоже рассмеялась.

— Лучше пусть он объяснит, как так получилось, что у меня столько божественных отцов. И Он, и Амон – Ра, и странный Яхве иудеев, и уже Ахура-Мазда, чей жрец, по твоему настоянию, придёт завтра мне вещать об этом же, — правитель рассмеялся пуще прежнего. — Ты действительно думаешь, что этот маг расскажет что-то стоящее? Их религия примитивна, как у косматых даков. А как рассказывал мне Аристотель, персидский Бог Ахура-Мазда, на самом деле – это наш Зевс Громовержец. Помню твою уморительно весёлую речь на пиру, после перехода через Геллеспонт⁵, о том, что бог вынужден говорить глупым персам даже то, как правильно бороться с нечистотами, где нужно хранить выпавшие волосы и как быть с отрезанными ногтями, — Александр вовсе завалился на спину в приступе спорадического гогота.

Таис снисходительно улыбалась, но смех Александра был столь заразительным, что она не выдержала и заливисто расхохоталась тоже:

⁵Дарданеллы.

— Да. У них столько странных ритуалов, что их священники – мобедаы разных провинций могут и подраться друг-другом из-за того, чья чистота важнее: жертвенного камня, коего отмывают водой, или воды, что загрязняется при омывании жертвенника.

— Во! Ну и зачем мне слушать их жреца? — успокоившись, Александр сел на ковре, по-восточному сложив ноги. — Да и что может быть записано на этих старых коровьих пергаментях? Уверен, маг сам не знает языка их тестов. Эвмен доложил сегодня, что один и тот же пергамент он показывал десятку мобедов. Кто почестнее, сразу признался в своём непонимании древнего письма, а большинство уверенно читали: один про странных дэвов и парий, другой уверял о записи какого-то магического обряда, третий, уверенно водя пальцем по строкам, «читал» заклинание на урожай кунжута. Вот увидишь, жрец, которого нашёл Птолемей, такой же пройдоха, трясущейся за свою никчёмную жизнь, жаждущий найти себе место при новом сатрапе, или заработать хотя бы жалкий динар, — македонский царь лёг на другой бок, огонь опять ввёл его в созерцательный транс, и Александр лишь тихо вымолвил: — ...зачем Птолемею эти шкуры... у Эвмена и без них скопились горы действительно интересных свитков...

Дворец засыпал. Слышались лишь потрескивание дров в камине, редкая переключка караульных на улице и далёкий лай бродячих собак, лишившихся своих хозяев в ходе недавних бесчинств, творимых пришедшими с запада носителями великой эллинской культуры.

Таис понимала скепсис Александра. Она и сама считала верования народов, подвластных Ахеменидам, набором абсурдных ограничений и бессистемных взглядов на природу вещей. Но, недавний разговор с найденным Птолемеем жрецом – потряс её. Потряс также, как встреча с иудейским коэном и содержание некоторых текстов Тонах, что в прошлом году ей довелось изучить в Иудеи. Тогда войско Александра, двигаясь для захвата Египта, покорило еврейские земли. Причём столица была взята совершенно бескровно. Более того, Александр предоставил иудеям льготы и права, коими не до, ни после, не одаривался ни один народ в его империи. Он добился лояльности иерусалимского первосвященника Шимона, очень просто: увидев старца, сразу признал его бога – своим. Делов-то! Одним богом больше, одним меньше. Парменион, заслуженный полководец ещё отца Александра – Филиппа, еле сдержался от смеха, когда царь македонский, спрыгнув с коня, поклонился вышедшей навстречу процессии: «Старец, я видел тебя во сне, когда обдумывал, как мне покорить Персов. Ты сказал: «Иди и не думай, все твои начинания будут удачны»». После такой лести и личного принесения македонцем храмовой жертвы, первосвященник, конечно, расположился к молодому правителю, тем более его армия уже подошла к Иерусалиму. Иудеи признали безоговорочную власть Александра, но поставить

свою статую в Храме, всё же не разрешили, обязавшись взамен всех рождённых в течение года мальчиков, назвать Александрами. Воистину, царь македонцев – мудрый стратег!

Воспользовавшись плодами столь хитрого задабривания Авраамовых сынов, Таис с лёгкостью нашла общий язык с Шимоном, и один из дней они провели в неспешных беседах об единобожьей вере, её пророках и святых писаниях. Первосвященник, безусловно, был умён и мудр. Но все попытки Таис понять, как единственный Бог Яхве, умудряется жить в сердце тысяч евреев одновременно, в конце концов, сводились к объяснению строгости Закона, требований Кашрута, перечислению колен Израилевых и последовательности бесчисленных ритуалов и празднеств. Ну а когда старец указал, что брит-мила⁶ как раз и проводится по завету, чтобы Бог «видел своих», и не терял с ними связь, Таис окончательно устала: «В конце концов, что Яхве, что Амон, что все обитатели Олимпа, всё одно: главное — их не гневить и регулярно задабривать жертвоприношениям». Она окинула взглядом огромный стеллаж в храмовом хранилище священных иудейских тестов, размышляя, стоит ли ей попросить первосвященника назначить служителя храма, знающего греческий язык, хоть что-то почитать ей из писаний. И, пересиливая сонливость, всё же обратилась с этой просьбой, оставив выбор текста за молодым священником по имени Аарон, с необычайно ясными и по-девичьи красивыми глазами.

На следующий день, как только спала необычная для весны жара и лучи солнца багряными косыми спицами пронзили заросли плетущегося виноградника, за оградой дома, где остановилась Таис, послышался противный крик хозяйского осла: кто-то пришёл ему незнакомый. Аарон скромно стоял у калитки, не зная, как ему окликнуть сановитую гречанку, и, вероятно, надеясь на своего бога, что посредством осла, сообщит о прибытии гостя. Бог, естественно, помог, и Таис вышла во двор:

— Здравствуй, Аарон – служитель Яхве, — девушка широко улыбнулась и откинула затвор скрипучей калитки.

Мужчина кинул на неё напряжённый, и Таис даже показалось – гневный взгляд. Она смутилась, но иудей, заметив это, уже мягко ответил:

— Я всего лишь его верный раб, я просто коэн – священник храма, можешь так меня называть, госпожа. Мир дому твоему, — мужчина, скромно потупив взор, перешагнул свежую навозную кучу на дороге у самого входа, оставленную сегодняшним непарнокопытным «посредником», а потом, подняв глаза на язычницу, добавил. — Но, если тебе угодно, можешь именовать меня Аарон, только не упоминай больше имя Создателя. Оно свято и никогда не произносится просто так, — коэн улыбнулся и почтено поклонился

⁶ Ритуал обрезания крайне плоти.

приближённой особе нового завоевателя и царя Иудеи... сколько их было у этого народа, а сколько ещё будет.

Девушка провела священника в дом, где две служанки уже мельтешили вокруг стола, уставляя его блюдами с фруктами и пресными лепёшками.

— Заметь Аарон, вчерашняя беседа не прошла даром. На столе лишь кошерные угощения, купленные в иудейской лавке и соответствующие вашим строгим требованиям нынешнего поста в честь праздника... — она взяла лист папируса и прочла: — Песах! Верно, я сказала? — Таис задорно улыбнулась.

Коэн снисходительно качнул головой и улыбаясь, взглянул на служанку, чьи обнажённые смуглые бёдра выглядывали из разрезов шаровар. Хозяйка тотчас строго кивнула, показав подбородком на дверь. Служанка немедля исчезла, оставив за собой лишь лёгкий шлейф мускатного аромата.

Оставшись одни, священник достал из холщевой сумы довольно большую книгу, на вид не очень древнюю, но потрёпанную – изрядно:

— Госпожа, прошу прощения, что не явился поутру. Но вы – эллины, оказались очень любознательными. С утра, по настоянию первосвященника я был почтён приёмом важного вельможи царя Александра, он, как и ты, жаждет изучить святой Тонах. А сам великий царь уж третий день проводит в беседах с самим Шимоном. Да будет здравствовать его душа!

— Вельможа? Ах да! Это славный Птолемей, он очень мудрый муж. Мы часто спорим с ним, но его интерес к вашей вере продиктован не только любознательностью, но и велением сердца... как и у меня.

Коэн внимательно посмотрел в глаза Таис, словно искал там подтверждения сказанных слов:

— Я был свидетелем твоей вчерашней беседы с первосвященником, и мне показалось, что ты не нашла ответы на свои вопросы, потому что их задавал не ум... а сердце? — его большие красивые глаза заблестели, словно внутри зажёгся огонь, и этот свет, истекая наружу, чудесным образом преобразил его лик. — Это значит, ты в пути... — тихо сам себе ответил коэн и загадочный свет заполнил всё вокруг.

Он положил перед собой книгу:

— Я решил, что именно этот текст сейчас важнее всех: для тебя там есть ответы. Первая книга пророка Шмуэль, и я прочту тебе её. Вернее, две первые главы, а потом мы продолжим беседу. Здесь говорится о женщине, Ханне, ты готова услышать?

— Да, — покорно вымолвила Таис, поражённая таким преображением священника и его вопросом: не слушать, а услышать.

— Ну, слушай... всем сердцем...

«...Она же в скорби душевной молилась Господу и горько плакала. И дала обет, и сказала: «Господи! Если Ты снизойдёшь к страданию рабы Твоей и вспомнишь обо мне, и не забудешь рабы Твоей, и дашь рабе Твоей дитё мужского пола, то я отдам его Господу на все дни жизни его, и бритва не коснётся головы его». И вот, так как она долго молилась пред Господом, Эйли следил за устами её...». — Прочитав половину первой главы, Аарон оторвался от текста и взглянул на Таис. Она сидела неподвижно, широко открыв глаза и устремив взор свой в окно, где в сладкой истоме вечернего зноя, остывающее солнце опускалось в Средиземное море. Коэн продолжил:

«...Ханна же говорила в сердце своём, только губы её шевелились, голоса же её не было слышно; и Эйли счёл её пьяною. И сказал ей Эйли: «Доколе будешь ты пьянствовать? Вытрезвись от вина своего!» И отвечала Ханна, и сказала: «Нет, господин мой, я жена, скорбящая духом, вина же и шэйхара не пила я, а изливаю душу мою пред Господом...».

Таис по-прежнему сидела неподвижно, глядя в багровую полосу заката, а по щекам её текли слёзы:

— Господи, если ты снизойдёшь... Господи... — еле слышно шептали губы девушки.

Аарон закрыл книгу, сложил руки на коленях и посмотрел на Таис, после чего его уста зашевелились в беззвучной молитве.

На улице осёл скрипучим криком, опять напомнил о своём присутствии. Девушка вздохнула и повернулась к священнику. Тот с улыбкой и восхищением смотрел в её сияющие глаза. Из них истекал свет.

— Помоги мне, Аарон, — слёзы по-прежнему капали с точёного подбородка Таис, — какие слова мне говорить, чтобы молиться также истово, как Ханна? — она смотрела умоляющим взглядом, переполненным одновременно и глубочайшим страданием, и неведанной ею доселе радостью, что испытывает в пустыне изнурённый жаждой странник, только нашедший холодный родник, и припавший к нему устами.

— Слова тебе подскажет Господь, важнее, откуда они проистекают. Теперь ты нашла ответ, в чём суть моей веры и как Господь умудряется быть одновременно в сердцах не всех, но многих иудеев?

Девушка, святясь от счастья, лишь кивнула и тихо вымолвила:

— Давай ещё помолчим... хватит бесед.

За окном багрянец небосклона сменился фиолетовой гущей приближающийся ночи. Коэн беззвучно вышел. Калитка тихо скрипнула. Осёл промолчал. Таис молилась.

Александр и Таис смотрели на огонь в камине, и ей показалось, что молитва вот-вот опять польётся изнутри. Огонь, которому, как все считали, зороастрийцы поклоняются, словно божеству, оказался всего лишь символом.

Вчера дастур снисходительно улыбнулся, когда собеседница назвала его огнепоклонником:

— Огонь – это символ Бога и извечного стремления человека от земли к небу, от Аримана к Ормузду, от несовершенства к цельности Адама, от греха к святости. В этом смысле, все мы огнепоклонники, ведь души наши, ум и тела, чают лишь одного: вернуться к своему изначальному единству, тем самым слиться с Богом и так прийти к истине. И уверяю тебя, прекраснейшая из виданных когда-либо мною дев, нет разницы, кем ты рождён: арием, иудеем, эллином, или сересем, рабом, или в господском доме, всё одно – чаяния рода человеческого, едины для всех чад его.

Таис опешила. Услышать столь глубокие мысли, а тем более знакомое слово Адам, коим иудеи именовали первого человека, она явно не была готова. Да и термин «святость» ... «При чём эти зороастрийцы, и единобожие обитатели Израиля?».

— А кто тогда ваши боги? — недоумённо поинтересовалась она.

— Твой вопрос некорректен. Бог он для всех один. Имён у Него множество. От Него получил откровения наш пророк Заратустра, назвав Его именем Ахура-Мазда, и переводится это имя на ваш язык очень просто: Господин Мудрости, или Господь, — священник слегка поклонился при этих словах.

— Ну а как же тогда все эти демоны, духи, почитание огня, воды, земли?

— И воздуха... у тебя, дева, пылливый ум, — он заглянул в лицо Таис.

В тот момент девушку словно облило ледяной водой: ей показалось, что дастур на миг превратился в Аарона.

Костёр в камине чуть сбавил пыл, и оранжевые отблески уже не могли дотягиваться до стен огромного зала. Полумрак поглотил всё пространство дальше помоста с троном. Царь молчал. Таис тоже. Оба созерцали огонь, думая каждый о своём.

— А помнишь, в египетском походе ты общалась с иерусалимским первосвященником Шимоном? — внезапно вновь заговорил Александр, словно почувствовав мысли гостьи о её преображении в тот вечер встречи с козном.

Таис вздрогнула от неожиданности и, пребывая в том же состоянии сознания, посмотрела непонимающе на царя. Тот замер, а потом встал и подошёл к девушке. Она поднялась. Какое-то время собеседники стояли напротив друг друга, неотрывно глядя в глаза.

— Что ты увидела там, Таис?

— Где? — еле слышно произнесла она.

Александра медленно наклонился к уху и шёпотом вымолвил:

— В огне.

— Себя... и Тебя... — чуть дыша, ответила наипрекраснейшая из гетер Крита, Афин, да и, пожалуй, всей необъятной Ойкумены.

Александр восхищённо посмотрел на подругу. Потом поднял её на руки и отнёс на своё ложе, где небесам сразу стало жарко, богу стыдно, а дьяволу завидно...

Любуясь в бликах пламени совершенными формами девушки, царь пил вино. Таис обнажённой лежала ближе к камину и, прищуриив глаза, томно смотрела на молодого правителя, вернув себе контроль после любовного экстаза.

— Всем ты прекрасен, мой царь, но ласки твои не сравнятся даже с твоей доблестью, — она хитро улыбнулась и, как кошка подкралась к нему. Потом обвила руками шею и, слегка касаясь языком уха, промурлыкала: — У нас на Крите есть легенда, что твой предок Ахиллес, был необузданно страстен. Сейчас я поняла, что это не легенда — ты превзошёл его во всём, мой царь, — девушка отстранилась, взгляд был игрив и слегка надменен.

Костёр в камине, мерцая, освещал правую сторону её тела, и в этом призрачном свечении черты лица гречанки казались, словно высечены из розового мрамора. Длинные волосы, ниспадая с плеч, затеняли глаза, но пляшущее в зрачках пламя выдавало яростный пожар страсти, только-только начинающий угасать. Александр протянул руку и нежно перекинул волосы на левую сторону. Таис улыбнулась и, чуть склонив голову, приподняла подбородок, давая возможность насладиться своей безукоризненной красотой. Огонь будто ласкал её, высвечивая чёткий контур скулы, прямой нос, ярко-алые губы, приоткрытые в лёгкой улыбке. Глаза подруги горели, и Александр не мог оторваться от созерцания её пленительной женственности.

— А что сейчас увидел ты, мой царь? — спросила Таис, повернувшись анфас.

— Где? — тихо вымолвил он.

— Во мне... — почти шёпотом уточнила девушка.

— Богиню Афродиту, вселившеюся в Таис из Афин, — глубоко дыша и не отрывая взгляда, ответил царь.

Таис звонко рассмеялась, развеяв тем самым невидимые чары, что так тонко выплетались огнём, их страстью и могущественной магией любви. Александр, скинув наваждение, заулыбался и достал из-под подушек книгу:

— Что-то Гомер в «Илиаде» ничего про любовные похождения Ахилла не упоминает? — весело продолжил он льстивую игру, начатую ранее подругой.

— Так это же миф, ставший явью! — громко смеясь, подлила еля в беседу искушённая гетера.

Они ещё долго веселились, шутили, пили вино и наслаждались друг-другом, пока не пришлось позвать слугу – огонь угасал и тоже требовал внимания.

— И всё же... несравненная Таис, мы увлеклись, а ты не ответила про Шимона. Что скажешь о нём? Ты проникательна и мудра, мне интересен развёрнутый ответ, — вернулся к уже заданному ранее вопросу Александр, когда слуга бесшумно удалился, и любовники вновь осталась наедине.

Девушка, закусив губу, в этот момент смотрелась в зеркало и развязывала ленту, что утягивала её волосы. Услышав вопрос, она задумалась, продолжая изучать своё отражение, и лишь почувствовав настойчивый взгляд Александра, повернулась:

— Прошло больше года. Но память о той беседе по-прежнему свежа и волнительна. Впрочем, сам первосвященник не произвёл на меня особого впечатления: как и другие жрецы твоей империи, он больше был озабочен сохранением своей власти и влияния на общину. Хотя нужно отдать должное, народ иудейский ревнив к своей религии, и священники у них в большом почёте. Чего только стоит память о предках и пророках, уходящая чуть ли не к началу времён. Коэны, чьё священнослужительство передаётся по наследству, знают свои отцов до самого Аарона, брата первого и главного иудейского пророка Моисея, что жил больше тысячелетия назад, а оттуда ещё на семь колен до Леви – одного из 12 прародителей иудеев. Представляешь, чего им стоило сохранить такую память? Поэтому и книг священных столько, что не прочесть, наверное, за всю жизнь, — Таис пристально посмотрела на царя, ожидая от него какой-нибудь реплики, ведь он тоже, со слов Аарона, три дня беседовал наедине с первосвященником.

Но Александр задумчиво молчал. Таис продолжила:

— У них один Бог, и он, якобы живёт в сердце каждого иудея, хотя это ерунда, он живёт в сердцах лишь немногих.

Царь удивлённо посмотрел на Таис:

— В сердцах? Шимон рассказывал мне, что он живёт на небе и внимательно наблюдает за делами каждого. И если человек добродетелен, то он посылает ему дары, а если нечестив, то не избежать ему кары небесной. А ещё он воистину могущественен, ему, как оракулу, ведомо всё наперёд. Мне показали книгу их мудреца Даниила, где написано, что эллинский царь повергнет царство персидское. И я его поверг! Я поверг Дария, и Бог иудейский помог мне в этом!

Девушка снисходительно улыбнулась:

— Там было указано твоё имя?

— Там был указан мой титул, царя Греции! — строгая мимика резко изменила выражение лица властителя, однако в глазах не было гнева. Скорее, смесь досады от понимания неубедительности довода в пользу своей богоизбранности и удивления, от дерзости вопроса.

Таис отвернулась, чтобы Александр не видел её лица:

— В Иерусалимском храмовом хранилище столько книг, свитков и отдельных текстов, что немудрено найти подобное пророчество на все случаи жизни, — она повернулась и, глядя прямо в глаза, закончила: — Извини, мой царь, я умею сладко льстить, но очернять Александра Великого лестью глупой, а тем более ложью... лучше убей меня, — и покорно склонила голову.

Всего мгновение длилась пауза, и тронный зал дворца персидского шахиншаха заполнил громкий хохот нового владельца – Александра Македонского:

— Как я люблю тебя, моя Таис, за этот острый язык, столь точно выражающий мои сомнения! — он обнял девушку и впился поцелуем в её уста. — Прошу, останься до утра, завтра в полдень Птолемей приведёт жреца, послушаем его вместе.

Раннее утро. Александр накинул тёплый персидский халат, расшитый золотыми павлинами, и вышел на дворцовый балкон. Снег успел густо припорошить каменный пол и мраморные перила. Молодой правитель улыбнулся: это был второй, увиденный им в жизни снегопад, и последний, которому он будет рад. Широкая парадная лестница внизу забелела, а каменные крылатые быки, охранявшие центральный вход, нарядились в девственно-чистые рубахи сэрде, что приняты у адептов местной веры.

Таис тоже вышла, решив полюбоваться редким для греков природным явлением, однако накидывать свой халат она не стала – шагнула на балкон абсолютно обнажённой:

— Хочу ещё немного побыть Афродитой, хотя бы в твоих глазах, мой царь, — она встала на углу балкона, где снега было чуть больше, и на контрасте с серым камнем стен, он вполне напоминал морскую пену. Девушка распустила волосы по плечам и лукаво улыбнулась: — У меня, правда, нет её волшебного пояса...

— Он тебе не нужен. Ты совершенней Киприды и покоряешь мужчин одним лишь взглядом! Позволь мне согреть тебя, — царь распахнул халат и, обернув им подругу, обнял её: — Безумная Таис, — прошептал он на ухо. — Ты же можешь заболеть.

— Лишения закаляют душу, математика – ум, а холод – тело, — также прошептала девушка и выскользнула из объятий.

Словно по морскому прибою, отбежала в другой угол, где сгребла с пола снежок и, задорно хохотнув, кинула им в закутавшегося македонского царя. Тот вскрикнул от неожиданности, а Таис взяла полную охапку и, заливаясь смехом, начала растирать снегом руки, плечи и живот:

— Смотри Александр, как делают скифы, будины и агрипеи, живущие далеко на севере, за Понтом, Гирканским морем и Ра⁷! Я слышала, что они даже строят себе жилища из снега – так его там много! — она взвизгнула, растирая грудь: — А теперь, мой царь, твоя очередь! — и, в три прыжка подскочив к потрясённому Александру, с криком засунула горсть снега между запахнутыми полами халата.

Великий царь заорал так, что часовые у центрального входа выскочили на парадную лестницу, в ужасе задрав головы. А караул из личной гвардии Македонского, ворвался в зал, держа ксифосы⁸ в готовности к немедленному применению. За ними влетел секретарь Александра – Эвмен, ожидающий приёма.

Увидев в проёме балконных дверей безудержно смеющегося правителя с раздумявшимся лицом, и, поняв по залиvistому женскому смеху, что он не один, Эвмен, знаком приказал охране удалиться. Дождавшись, пока царь посмотрит в его сторону, секретарь-архивариус произнёс:

— Александр, Птолемей уже прибыл, он привёл мага огнепоклонников. Когда прикажешь принять их?

Царь взглянул на свою подругу, всё так же обнажённую и раскрасневшуюся, с блестящими и сияющим глазами, что стояла на балконе, не смея показаться:

— Сейчас должна прийти Таис. И сразу пусть заходят. Скажи Птолемее, что я безумно рад брату, но пусть позволит мне привести себя в порядок, — и озорно посмотрел на гостью.

Та, еле сдерживая смех, лишь кивнула. Секретарь вышел. Девушка быстро оделась, стянула волосы лентой и покинула зал через чёрный ход. Спустя пятнадцать минут, она, как ни в чём не бывало, уже поднималась по широченной дворцовой лестнице в сопровождении охраны:

— Здравствуй, Птолемей! — девушка смущённо склонила голову, войдя в малый зал, где находились прибывшие.

— Здравствуй, Таис, — давно влюблённый в неё бесстрашный военачальник, зарделся пурпуром, словно невинный юноша, — твои щёки пылают огнём, ты не простыла?

⁷ Чёрное и Каспийское море, Волга.

⁸ Короткий меч.

— Нет, не волнуйся, слегка замёрзла лишь. А вот твоё лицо залилось краской, к чему бы это? — девушка мило улыбнулась, прекрасно понимая, к чему. — Я убедила Александра принять дастура, но он скептичен в отношении находки. Мне показалось, что такой настрой неспроста. Старинные пергаменты словно жгут ему руки, и, кроме презрения к их прежним владельцам, им движет ещё что-то.

— Мне тоже неясна странная спешка с их уничтожением. Поэтому пришлось бросить все дела и мчаться почти триста стадий, не жалея лошадей. Но ты же говорила со священником Валтасаром? Он пояснил, какое сокровище хранят эти тексты? — Птолемей уже обращался не к своей тайной и, по его мнению – безответной, возлюбленной, а к единомышленнику и помощнику, что разделял его природное стремление к знаниям и наукам. — Там кроме доктринальных основ религии ариев, древние знания о строении человека, медицине, математические формулы расчёта движения небесных светил, устройстве земли и воздушных сфер. Там описания стран и народов, живущих у края тверди, знания о природе и свойствах минералов и металлов, устройства чудесных механизмов. Тексты описывают иерархию сил, что управляют видимыми и невидимыми мирами... их писали невероятно просвещённые мужи. Ни Греции, ни Египту, да вообще никому в Ойкумене, ещё не веданы эти знания!

Птолемей был возбуждён и нетерпелив. Таис заворожённо смотрела в глаза молодому мужчине: «Как он прекрасен, когда, обуреваемый страстями, дрожит весь, словно боевой конь, что рвётся в атаку. Да, пожалуй, пусть пока его страсть изливается на поиск и собирание своей будущей великой библиотеки. Сейчас не время дарить ему уверенность в моих ответных чувствах... чуть позже, это станет наградой. Потерпи, мой милый Птолемей!».

Александр восседал на троне шахиншаха, всё так же в богато украшенном халате, но уже подпоясавшись и с копием у левого бедра. Увидя вошедших, он раскинул руки и направился к Птолемею. Друзья обнялись, искренне радуясь встрече. Некоторое время они беседовали наедине, отойдя ближе к камину. Потом царь подошёл к остальным. Эвмена он проигнорировал – уже дважды с утра виделись, а вот Таис, он широко улыбнулся, поприветствовав так, как это делают в Элладе:

— Радуйся, несравненная Таис!

— Радуйся, Великий Александр! — слегка кивнув, ответила девушка.

Он повернулся к старику. Тот замер в глубоком поклоне, не смея смотреть в сторону македонского царя.

— Радуйся Валтасар, зороастрийский жрец!

— Будь весел, Великий Александр – Царь Азии! — не меняя позы, в персидской манере приветствовал дастур властителя.

Хозяин, улыбаясь, обвёл взглядом присутствующих:

— Не прячь лица, жрец. Достаточно поклона. У эллинов принято смотреть прямо, общаясь и с рабом, и с царём, чтоб ложь не овладела языком и тайные помыслы не укрылись в сладком мёде красноречия.

Дастур выпрямился. Морщинистое лицо, словно обожжённое солнцем, говорило о почтенном возрасте и диссонировало с глазами, невероятно ясными и живыми, как у отрока. И тут Таис вспомнила, что зороастрийцы верят в конец бытия, страшный суд для всех живущих и последующую вечную жизнь, когда достойные мужи воскреснут и будет им всем по сорок, а детям, по пятнадцать лет. Старец словно смотрел на них глазами такого юного мальчика:

— Ложь – самый страшный грех, она порождает все другие, — спокойноотреагировал священнослужитель на разрешение лицезреть царя.

Александр удивлённо приподнял брови. Взглянул на Птолея. Тот лишь мимикой выразил, что он не зря привёл сюда этого старца.

— Об этом пишется в этих древних текстах на коровьих шкурах? — саркастически поинтересовался властитель.

— И об этом тоже сказано в Авесте... Господь поведал Заратустре:

«А я провозглашу! Ныне слушайте, ныне услышите,

Вы, кто приходит, изблуди и которые – издалека!

Ныне вы все уразумейте это, ибо ясно оно!

Да не разрушит мир вновь злой увещеватель

Лживый злым предпочтением, ограниченный своим языком».

Дастур процитировал Авесту на абсолютно чистом греческом, голосом столь благозвучно звонким, что, не видя источника, признать старика его хозяином, было бы просто невозможно. Он продолжил:

— Ложь ограничена языком. За ней нет объективной реальности. Значит, за ней нет ничего. Пустая форма, и только. Пустота ада. Форма – эта вотчина Ангро-Маиньо, духовной энергии, что была создана Богом как добро, но по своей воле, уклонившаяся к злу. Его дух-близнец – Спента-Маиньо. Он также порождение Бога, и он чистое содержание, абсолютное добро. Человек, говорящий правду, опирается на реальность, соответствующую его словам. А за ложью лишь форма слов, лишённых содержания, и потому Бог говорит: «Не прельщайтесь формами, ищите содержание, ибо лучше вино в ветхом корыте, чем красивый кувшин без вина», — старец замолчал, а потом, словно забыв, дополнил: — Это, и не

только, содержание священной Авесты, в которой ты, великий царь, пока видишь лишь форму плохо сохранившихся воловьих шкур.

Правитель выслушал старца, явно не ожидая от него подобной живости слова, ясности мысли и дерзости финальной фразы, а после того, как осмыслил сказанное, отреагировал:

— Ну а что прикажешь видеть в этих задубевших листах кожи, если ни один из семи найденных жрецов твоей веры, не может прочесть их письменна? И кстати, про ложь... лишь трое из мобедев признались в неведении языка, другие, судя по всему, никогда не слышали не то, что про самый страшный грех, а просто оказались лгунами, коих стоит ещё и поискать, — царь громко рассмеялся, его смех поддержал и Эвмен. Остальные понимающе улыбнулись.

Старик глубоко вздохнул и слегка развёл руками. Потом спросил разрешения снять шерстяную накидку – во дворце было непривычно жарко натоплено. Тут же появился слуга, который принял одежду и также мгновенно исчез. Александр предложил присесть к столу на низких ножках, лично указав гостю его подушку прямо напротив камина. Валтасар поблагодарил хозяина, и, дождавшись, когда он сам опустится на ковёр, ловко сел, подогнув и скрестив ноги, даже не коснувшись руками пола.

— Ты прав, царь, — печальным голосом продолжил дастур, — живая сила веры требует неустанного внимания, концентрации и духовных усилий... и это лишь только для того, чтобы на кончиках пальцев, на самом краю своего внутреннего видения, почувствовать присутствие Бога. Потом ещё сложнее, но свет огня уже не даёт покоя, и ты не можешь не идти к нему, потому что ты ведаешь, ты знаешь, где истина, — старец смотрел на огонь. — Слово Авеста происходит от древнеарийского «Веда» – знание. Оно священно и открывается далеко не всем. Но не потому, что требует избранности, какой-то инициации или жертвы, а потому, что это знание духовное. Оно сокрыта за границами нашего ума и личности. Далеко не все могут выйти за них. А передать их посредством глагола, крайне сложно. Нужен особый язык. Авеста написана древним авестийским языком. Он очень богат и поэтичен, и поэтому, спустя столетия, в мирской суете упростился до нынешнего примитивного наречия... кроме меня, остались лишь двое, кто владеет священным языком вед. Это мой ответ про первых трёх мобедев, что искренне признались в своём невежестве.

Александр, прищурив глаза, слушал и периодически поглядывая на Таис. Она опять, словно заколдованная, смотрела на огонь, широко распахнув глаза. Судя по неподвижной позе, тело её было напряжено, как плечи лука, стянутые тетивой.

— Откровения Заратустра, впрочем, как и откровения иных пророков, — продолжил старец, — вначале своём озаряют людей и зажигают во многих огонь истинной веры. Потом

вера обрекается в форму религии и сразу тускнеет. С каждым поколением последователей вера теряет свежесть первого озарения, проходя через бесчисленные уста, книги, тексты. Святых становится всё меньше, и стадо Божие редет... веру начинают толковать. Потом вовсе подменяют формальными ритуалами, внешними атрибутами и суевериями. Моя вера не исключение: Заратустр предписывал чистоту в помышлениях, словах и поступках, как неперемное условие движения к Господу и защиты от влияния дэвов. Белая сэрде, — старик приложил руку к груди, указывая на рубаху, — символ этой чистоты. Но за столетия невежественные жрецы предали понятию о чистоте лишь внешнее значение, придумав казуистическую классификацию грехов, массу обычаев и формальных правил, обрядов и ритуалов, не имеющих никакого отношения к истинно живительной вере. Словно с их помощью можно сохранить или вернуть её, потеряв по неосмотрительности, а то и в угоду своим страстям и слабостям. К великому сожалению, спустя столетия, вера в Ахура-Мазда для многих превратится из веры поклонения свету, в религию рабской покорности букве закона, в служение Богу не сердцем, а устами. Вера, как содержание – уйдёт, останется лишь её форма – религия, с храмами, лицемерно-лживыми священнослужителями и нравственно разложившимся народом. Персидское царство ждут катастрофы, — дастур посмотрел на огонь и замолчал, будто ожидая, когда тот перевернёт пламенной рукой страницу книги, которую старик видит там и читает вслух, — ...это, что касается других четырёх мобедов, упомянутых тобою, великий царь. До особой поры все истинные верования будут идти таким путём. Но бог всемилостив и человек, любимое его дитя. На протяжении последних шести тысяч лет он посылает свои откровения наиболее духовно готовым сынам – пророкам. Они, как ваш мифический Гермес, дарят людям священный огонь. Как только вера теряется в религии, приходит очередной святитель, возвращая истине первоизданную чистоту.

Сначала они приходили каждую сотню лет, как искры, разжигая вокруг себя пламя и уходя, передавая факел очередному праведнику. Большая их часть нам неизвестна. Однако некоторые были исключительно духовно преображёнными и лично одарёнными. В силу разных обстоятельств, особенностей народов и земель, порождённые ими религии, оказались очень живучими и сохранились там по сей день. Но, как и любая форма, они затмили собой содержание, и истинной веры там осталось совсем немного. Таков индийский Кришна, живший четыре тысячи лет назад. Иудейский Моисей, тысячелетие назад получивший откровение от Бога, явившегося к нему в виде огня, — Валтасар повернулся к Таис, и та перевела свой взгляд с костра на рассказчика, удивлённо повторила:

— В виде огня...

— Иудеи не предали этому образу значение, в отличие от зороастрийцев. И теперь моя религия убила его исконный смысл, превратив для большинства адептов огонь в объект прямого поклонения. Огнепоклонничество – это всего лишь примитивное религиозное искажение веры в единого Господа.

— Ты хочешь сказать, жрец, что иудейская религия и твой зороастризм, суть одно и то же? И твой Бог сидит на небе рядом с Яхве, или Яхве – это и есть твой Ахура-Мазда? — не веря своим ушам, скептически воскликнул Александр.

— Конечно, нет, эти религии абсолютно разные. Они же просто формы, их бесконечное количество во вселенной, — терпеливо пояснил дастур. — А вот вера и Бог, они едины. И не только их, но и вера от пророка, которому передал свой факел Заратустра на исходе своих земных дней, и эта вера уже обрелась в форму своей религии, которая тоже проживёт тысячелетия. В религии сонм Богов может жить где угодно: хоть на небе, хоть в море, даже в камине, а если удобно – на горе Олимп. А в истинной вере он живёт только в сердце.

Таис хотела спросить, о каком пророке идёт речь, но Александр с раздражением вскочил и гневно начал ворошить огонь в камине. Когда пламя в ужасе забило в углы очага, не осмеливаясь разгораться, царь бросил с грохотом кочергу к стене. Но потом взял себя в руки:

— Ты говоришь, словно оракул, что знает прошлое и видит грядущее. Так почему твоя религия оказалась столь сильным сорняком, совсем затмившим свет веры? ...как ты это называешь. И сколько она проживёт? Ты же, дастур – верховный жрец, почему не спасаешь истину, коль знаешь о её забвении в своём народе?

Старец испугался столь быстрой смене настроения хозяина и с опаской поглядывал на его ладонь, лежащую на рукояти копья. Царь заметил взгляд, рука опустилась:

— Не бойся, жрец. Для меня людские верования важны. Я уважаю все религии и всех богов, если они признают мою власть. Отвечай смело, только избавь нас от метафизических размышлений. У нас к тебе много более земных вопросов.

Валтасар, сев на колени, поклонился властителю:

— Прости, царь, за неучтивость.

После вновь скрестил ноги и спокойно продолжил:

— Авеста состоит из 1200 фрагментов⁹, сведённых в 21 наск¹⁰, записанных на 12000 воловьих шкурах под диктовку Заратустра, в конце его земного пути, примерно 230 лет назад. Первые пять насков – сокровенные духовные знания об истине, сотворении миров

⁹ Глава.

¹⁰ Часть.

яви, нави и прави, формах их взаимодействия, сроках существования и этапах развития. Пять следующих, описывают земную историю многих пророков, в том числе моего, и содержат их пророчества. Касаемо религии, что породил сам Заратустра, то она окажется недолговечной. Народы Арии и их невежественные правители быстро склонятся к мистицизму. Истинных учителей и магов, могучих духовными знаниями и интеллектом, подменят факиры, гадатели, нумерологи-обманщики, халдеи, астрологи-манипуляторы и жулики. Очарованных Ангро-Маинью и подвластных дэвам, их уже не счесть в персидских городах... Истинная вера растворится и вновь станет доступной лишь немногим. Но она не умрёт! Уже скоро в небе вспыхнет звезда, что укажет путь к месту, где родиться величайший из пророков. Потомки трёх дастуров, изгнанных из своих земель завоевателем с запада, — священник осторожно посмотрел на Александра, — три великих мага, пройдя огромный путь, найдут младенца и передадут ему факел божественной веры. Его религия затмит все предыдущие и тысячелетия будет приносить невероятные духовные плоды. Так будет спасена и преумножена истинная вера. Ну а я... я оказался бессилён... — старец замолчал.

— А что Авеста говорит о великом заво... — не успел Александр закончить фразу, как жрец перебил его, слегка повысив голос:

— Великий Царь! Ты задаёшь вопросы человеку, не могущему лгать. Познавая грядущее, пожинаяешь печаль...

— Как смеешь ты перечить так царю! — подскочил Эвмен, но властитель, положив ему руку на плечо, умирил пыл архиграмма¹¹.

Птолемей пожирал старца глазами, предвкушая, сколько невероятных знаний ему откроет зороастрийский маг. Таис в смятении пыталась вместить в свою картину мира только что услышанное. И лишь Александр был спокоен. Он принял решение:

— Ты прав Валтасар, не будем спешить с откровениями. О чём одиннадцать оставшихся насков?

— В них свод знаний о множестве наук и ремёсел, что издревле собирали жрецы прошлого.

Царь подошёл к Птолемию и, по-дружески приобняв его, отвёл подальше в сторону:

— Вот эти одиннадцать, брат, нужно в первую очередь перевести на греческий. Отбери особо интересные пергаменты, запри дастура и самых умелых писарей в крепости Истахр, и пусть работают не покладая рук. У тебя шестьдесят дней, друг. Что не успеют перевести, отправим тайно в Вавилон и там закончим. В месяц ксантихос, сразу после

¹¹ Начальник канцелярии.

местного праздника Навруз, мы выступаем на Экботаны. Покончив с Дарием, перевернём их страницу истории на этих землях и начнём свою – эллинскую историю Азии, — Александр задумчиво посмотрел в сторону камина, где огонь уже нежно облизывал недогоревшие головешки, набираясь сил для своего воскрешения. — А если позволят боги, то и всего Мира... — неизвестно откуда взявшейся сквозняк пронёсся по ногам присутствующих, и огонь вспыхнул с новой силой. В дальних углах зала зашевелились мрачные тени, раздались жуткие низкие звуки и еле уловимое шуршание, словно во мраке очнулись невидимые свидетели, начавшие обсуждение услышанного. Никто особо не обратил внимание на это – огромный дворец, жил свой жизнью. Лишь старец переменился в лице. Он сел на колени, развязал свой пояс кусти и, протянув его обоими руками к огню, начал беззвучно шевелить губами.

— Не сто́ит везти в Вавилон эту Авесту, — взглянув на полоумного жреца, почему-то тише продолжил царь, — теперь мы будем первоисточником этих знаний, и для всех, наши учёные мужи совершат великие научные открытия... а они, — Александр лёгким кивком указал на дастура, который, раскачиваясь, всё громче и громче читал свою молитву, — они пусть так и останутся для нынешних и будущих царств, безграмотными варварами.

Птолемей слушал царя и смотрел на старика, чья фигура в белом качалась быстрее и быстрее. Он явно был в трансе и не владел собой. Таис в ужасе озиралась по сторонам, её взгляд был безумен, руки тряслись. Внезапно она подскочила с места и, подбежав, спряталась за спину Птолемея:

— Вы видите это?! — перепуганная до полуобморочного состояния девушка, распахнув огромные глаза, озиралась по сторонам.

Соратник царя развернулся и обошёл Таис так, что она оказалась между обоими мужчинами. Они с улыбкой посмотрели на подругу:

— Там ничего нет – самая смелая из афинских женщин, — иронично произнёс царь.

— Не бойся, Таис, мы рядом. Это всего лишь ветер гуляет под потолком. С Тавровых гор приближается буря, — успокоил её второй мужчина, и оба обняли девушку, каждый со своей стороны. Александр страстно и горячо, Птолемей — нежно и осторожно... её голова сама склонилась к Птолемею, а лицо повернулось к царю.

Александр отпустил Таис, оставив девушку в объятиях друга.

— Эвмен, иди сюда, не мешай жрецу закончить свой ритуал. Огонь явно на него действует магически, — слегка хохотнул царь.

Архиграмм подошёл всё с тем же строгим выражением лица, что обычно имеют высшие чиновники, чья ответственная государственная работа связана с бюрократией и организацией работы канцелярии правителя. Царь положил ему руку на плечо:

— Последние одиннадцать насков, оставь Птолемею. Он займётся ими. А первые десять перевези сюда, во дворец. Пусть пока лежат в архиве шаха. Ты говорил, он забит доверху, но придумай что-нибудь, найди место. Позже решим, что с ними делать.

С последними словами в зале сразу стало совсем сумрачно – огонь всплеснул в отчаянии руками пламени и обречённо затух. В тишине раздался тяжёлый выдох и слабый стон, старик бессильно лёг на пол. Таис подскочила к нему, упав на колени, положила на них голову и наклонилась к лицу:

— Что с тобой Валтасар, тебе плохо?

— Дэвы... пришли дэвы, — еле прошептал старец, — за ним. — Он обессиленно посмотрел на Александра и потерял сознание.

— Быстро принесите воды! — закричала девушка.

Раздался топот ног, но первым успел Птоломей, который испугался, что единственный знаток древне авестийского языка вот-вот предстанет перед своим Ахура-Маздой.

— Что он сказал, Таис? — спросил странно спокойный царь.

— Я не расслышала...

Глава 2

1983 год.

Гул двигателей стал тише, и транспортный самолёт, словно расслабившись, чуть провалился, нырнув в ватную зыбкость кучевой облачности. Желудок, удивившись изменению силы тяжести, заурчал в попытке удержать своё содержимое при себе. Уши болезненно заложило, дыхание спёрло. Необычные ощущения лёгкой невесомости, наряду со скрипом грузового такелажа Ил - 76, разбудили бойцов, которые, как и положено военнослужащим срочной службы, руководствовались старой армейской истинной: «Солдат спит, а служба идёт».

Ещё в подмосковном Жуковском, сев на борт последним, подполковник Кузнецов безошибочно определил, кто из летящих с ним одним рейсом пограничников старослужащий, а кто только закончил учебку. Кто возвращается к месту службы, а кому лишь предстоит знакомство с южными задворками Советского Союза. Внешне, абсолютно одинаково одетые в камуфлированную или песочного цвета форму, разницу вроде заметить сложно. Однако для опытного глаза, она являлась очевидной.

Четверо были молодыми мужчинами с тёмными и обветренными лицами, двое из которых, даже с усами. Сразу после взлёта, парни, деловито расстелив свои бушлаты прямо на зелёных ящиках, которыми была занята грузовая кабина транспортника, завалились спать, укрывшись одним на всех куском брезента. Судя по выцветшим, бледно-серым

«песчанкам», под которыми виднелись полосатые тельники, а также спокойному взгляду и густому загару – это «старики». Причём десантники, из состава десантно-штурмовой манёвренной группы, кои в 1983 году, на границе с Афганистаном, были в трёх пограничных отрядах. Они, вероятно, сопровождали какой-то груз и теперь возвращались в Таджикистан. Для них полетать – явно не в диковинку. Поэтому на места у четырёх иллюминаторов воздушного грузовика они даже и не претендовали.

Трое солдат сидели на откидных сиденьях у иллюминаторов. Это тоже «деды»: и места лучшие, да и держаться с достоинством, уверено. А рядом с ними по три-четыре пацана, чьи детские лица ещё излучали смесь щенячьего любопытства и страха перед выпавшей им честью, служить в Краснознаменном Среднеазиатском пограничном округе КГБ СССР. Они все летят военным бортом впервые и, судя по не очень смуглой коже, на афганской границе, ещё не были.

Поначалу в ожидании взлёта, эта группа «новеньких» тихо обсуждала содержимое длинных ящичков, тыча в непонятную маркировку и надписи чёрным шрифтом. Потом, уже после набора высоты, один из дедов, вероятно, решившись последовать примеру бывалых солдат, тоже закинул бушлат на штабель. Но, поговорив с ними, бушлатик свой вернул на плечи и боязливо отсел подальше, к аппарели. На вопрос товарищей: «Ну, что там?», он лишь показал пальцем на красный треугольный знак, что виднелся с торцов ящичков. Внутри пиктограммы читалось: «Взрывоопасно!» и громко крикнул из хвоста самолёта: «Реактивные снаряды, для вертолётчиков...». Одним словом, весь полёт эти бойцы пытались спать, сидя на пластмассовых откидных сиденьях, поглядывая, то на безмятежно дрыхнувших бывалых десантников, то на ящички со смертоносным грузом, что они приспособили под свою лежанку.

Самолёт выровнялся. Подполковник взглянул в иллюминатор на молочную белизну. По трапу, из пилотской кабины на грузовую палубу спустился борттехник:

— Товарищи офицеры, — он обратился к Кузнецову и ещё двум полковникам, что сидели в носовой части самолёта, на нескольких нормальных пассажирских креслах, — приступаем к снижению. Если кто хочет в туалет, идите сейчас. Ведро через пять минут убираю. Потом не забудьте пристегнуться.

Проходя вдоль бортов, он проверил стропы, крепящие груз. Согнал с ящичков сонных бойцов. Послал одного «молодого» закрыть и привязать ведро, служившее на время полёта отхожим местом. Озабоченно осмотрел что-то в районе аппарели. После чего проконтролировал, чтобы солдаты пристегнулись, и вернулся в кабину.

Кузнецов поднял ворот кителя. Грузовая кабина хоть и отапливалась, но температура выше семнадцати не поднималась, и за четыре часа полёта, он немного успел продрогнуть.

Август. В Москву офицер полетел нормальным гражданским рейсом и, естественно, ни о каких тёплых вещах и не думал. А вот назад, ни в Ашхабад, ни в Душанбе, билеты достать не удалось даже через военного коменданта аэропорта. В последний момент его включили в полётный лист на пограничный транспортный борт, что внезапно спланировали для вывоза какого-то имущества. Благо летал он в командировку в главное управление Погранвойск и был в кителе. В одной рубахе, он бы сейчас совсем замёрз.

Тяжёлый транспорт вышел из облаков, и солнце опять плеснуло ослепительной яркостью и теплом в круглый иллюминатор. Внизу отчётливо виднелись зелёные, жёлтые и серые прямоугольники бесчисленных полей и огородов Ферганской долины. Самолёт слегка повернул, завалившись на крыло, и прямо по курсу показались величественные Фанские горы – значит, почти прилетели, за ними уже прячется Душанбе. Четверо бывалых дедов пересели ближе к носу, на сидушки, сразу за офицерскими креслами, для приличия оставив субординационную дистанцию в две откидных скамьи. При этом несмотря на холод, свои бушлаты они одевать не стали, в отличие от остальных солдат, закутавшихся в них целиком. Сергей Кузнецов улыбнулся бесхитростной смекалке опытных воинов, которые просто знают, что всех ждёт после посадки, и, сейчас охлаждаются, так сказать, впрок. Потом, где они найдут такую прохладу? «Наверное, с Пянджского отряда. Там равнина, жара даже ночью не спадает» — сделал дедуктивный вывод начальник разведывательного отдела 66-го Памирского пограничного отряда КГБ СССР, дислоцирующегося в городе Хорог, подполковник Кузнецов Сергей Васильевич.

В это же время, остальные солдаты, как голодные котята к молочной миске, прилипли по трое-четверо к иллюминаторам. Какие тут ремни безопасности, когда там такие виды! Никто из них, вероятно, подобных красот ещё никогда не видел. Ничего, пара месяцев и служебные нагрузки с дикой жарой или кислородным голоданием, затмят собой весь эстетический эффект от созерцания прекрасного. Один молоденький долговязый боец метался между двумя группами сослуживцев, пытаясь тоже получить свою порцию зрелища. В очередной раз, когда товарищи оттолкнули бедняку, Сергей встретился с ним взглядом. «Ты, главное – не расплачься» — улыбнувшись, подумал офицер, глядя на юношу с обидчиво оттопыренной нижней губой и детскими глазами, полными отчаяния. Кузнецов махнул ему, показывая на иллюминатор возле себя. Солдат испуганно посмотрел на подполковника, подошёл и что-то там пробубнил. Вероятно, доложил по уставу, но его тонкий голосок заглушал гул турбин. Сергей просто взял его за руку и посадил рядом. Парень восхищённо прильнул к плексигласу, когда горы уже были под крылом снижающегося самолёта.

Четверо «дедов», словно истинные старцы, равнодушно проводили салагу взглядом и, даже не обменявшись парой фраз, продолжили кемарить.

— Откуда призвался, — Кузнецов задал бойцу второй по распространённости в Советской армии вопрос, с которого начиналось любое знакомство в среде срочников.

Солдат перепуганным взглядом посмотрел на офицера:

— Весна 83, — по привычке, он ответил сначала на самый распространённый армейский вопрос. — Приморский край, Уссурийск.

— Фазан? Земеля, значит, я тоже там родился. С учебки только? — поинтересовался офицер, проявив своё знание солдатских традиций, согласно которым весенний призыв — это «Фазаны», а осенний — «Гуси».

Пограничник расцвёл в улыбке, встретив такого земляка:

— Школа сержантского состава, Камень-Рыболов. А Вы, товарищ подполковник, с какого района города? Я на сахзаводе живу... жил до армии.

Кузнецов только сейчас обратил внимание на две бледно-зелёные лычки на погонах младшего сержанта.

— С центра, с Советской. Постоянно с вашими дрались на Зелёнке, — подполковник улыбнулся.

— Ага! — молодой сержант, озорно хихикнув, мотнул головой.

Сергей отвернулся и закрыл глаза. Боец опять прилип к иллюминатору, не смея проявлять инициативу в разговоре со старшим по званию, хотя его доброе внимание так и подначивало повспоминать родной город, расспросить о том, куда они едут, что их ждёт там, на горячей Афганской границе? Вроде перекинулись-то парой фраз, а как на душе сразу стало теплее. Тягостные мысли чуть отступили. Сначала был призыв, учебка, тоска по родным. Только привык к жёсткой дисциплине и суровости мужского коллектива, только-только нашёл себе друга, как учебка закончилась, и на тебе — служба в Таджикистане! Острое одиночество, новые сослуживцы, да ещё «деды» теперь появились... очень тяжело.

— Товарищ подполковник, а Вы давно были на родине? — парень не выдержал, заметив, что офицер открыл глаза и просто смотрит вперёд.

Кузнецов повернул голову, думая о чём-то своём:

— Почти год как...

— А я неделю назад всего! После сержантской школы за отличную учёбу дали три дня отпуска. Потом на поезд. Вчера приехали и сразу в самолёт. Хотите, расскажу, какие в Уссурийске изменения произошли?

Офицер, понимая остроту переживания бойцом слома динамического стереотипа, устало улыбнулся и лишь мимикой показал: «Валяй».

Младший сержант оказался прекрасным рассказчиком, замолчав, лишь когда заурчали приводы механизации крыла и двигатели тревожно уменьшили тягу. Самолёт ощутимо сбросил скорость и, чуть покачиваясь с крыла на крыло, вышел на посадочную глиссаду. Восходящие от земли потоки раскалённого воздуха, на небольшой высоте создают множество локальных очагов с разной плотностью атмосферы, из-за чего транспортник начал слегка вибрировать и спотыкаться на воздушных ямах. А когда под ногами загрохотала и застучала гидравлика выпускаемых шасси, к общей картине предстоящего свидания с землёй прибавился ещё и шум набегавшего на них воздушного потока.

Бывалые так и дремали, синхронно встряхивая головами при очередном толчке, а в среде «новичков» началось броуновское движение.

Кузнецов наклонился к бойцу:

— Иди скажи, чтобы сели и пристегнулись.

Тот направился к своим. Судя по хмурому взгляду, кто-то из дедов послал его подальше. Однако младший сержант нашёл какой-то довод, и за несколько минут до приземления, все смиренно сидели на сиденьях, пристёгнутые ремнями.

Перед самым касанием земли, пилот, вероятно, ещё больше выпустил закрылки и совсем сбросил тягу. Ил-76 будто чуть завис и спустя секунду, загремел всем своим нутром на стыках бетонных плит взлётно-посадочной полосы аэропорта столицы Таджикской ССР – города Душанбе. Почти сразу, дико завыл переложённый реверс двигателей, и ускорение стало отрицательным, словно какой-то горный дэв схватил самолёт за хвост в попытке его остановить. Но через шесть секунд могущественный дух бросил эту затею, и транспортник побежал, стуча колёсами значительно реже и тише.

Остановились на дальней аэродромной стоянке. Ещё в иллюминатор Кузнецов увидел на лётном поле часового из состава караула, выделенного для охраны борта с боеприпасами. Маленький таджик, в солдатской панаме песочного цвета, с тёмно-коричневым лицом и такими же предплечьями, двумя руками держался за лямку автомата с пристёгнутым штык ножом. Дождавшись остановки турбин, и как только техник кинул под колёса шасси тормозные башмаки, он быстрым шагом направился под крыло, в тень.

— Плюс 46 сегодня, — сказал вышедший борттехник, направляясь в хвост, чтобы открыть аппарат.

Несмотря на прохладу внутри, от этих слов, Сергей тут же покрылся испариной. Сразу снял китель и галстук, расстегнул две верхние пуговицы рубахи. Четверо

десантников, как по команде, закатали рукава своих выцветших «песчанок» и растянули ворота чуть ли не до пупа. После чего, смирившись с неизбежным, загодя прищурились и уставились в хвост самолёта. Двое полковников с главного штаба погранвойск неодобрительно взглянули на Кузнецова, посмеявшегося не по-уставному освободиться от галстука при ношении рубахи с длинным рукавом. Однако разумом понимая, что температура за бортом близка к адовой, кителя всё-таки сняли и пошли в хвост. Там уже толпились в нетерпении «новенькие». Кое-кто из них снял бушлаты: вероятно, догадались, что «деды» – десантники, не зря так, не по форме расхлестались и сидят смиренно в носу. Но большинство, увидев рядом двух полковников, наоборот, застегнули даже верхние пуговицы ватных курток.

Аппарель клацнула замками, и полоса яркого света хлестнула по глазам. Сходня замерла, словно давая людям привыкнуть к ослепительному аду, и спустя две секунды, почти бесшумно, опустилась на бетон. Чрево самолёта разверзлось, открыв своё содержимое жару преисподней...

— Бл... Ни хрена себе, — донеслось недружное из хвоста, после того как в лицо ожидающим ударила волна раскалённого воздуха.

Кузнецов посмотрел в иллюминатор: машины на поле ещё не было. Десантники с немым вопросом взглянули на него. Он махнул головой, и бойцы спокойно остались сидеть в том месте, куда жара доберётся в самую последнюю очередь. А «новенькие» с московскими проверяющими, несмело затопали по сходням аппарели, ослеплённые беспощадным солнцем и почти нокаутированные тяжелейшим перепадом температуры.

Через пять минут открылась дверь пилотской кабины, на грузовую палубу спустился командир и второй пилот. Увидев пятерых пассажиров, неспешащих покидать ещё не выжженное жаром нутро самолёта, лётчик понимающе улыбнулся:

— Господа, полёт окончен. Командир и экипаж прощается с вами и просит покинуть борт. Машины уже на КПП, сейчас подъедут, — и, поравнявшись с четырьмя «дедами», иронично продолжил: — Что десантура, понравилось ящики грузить? Ща оставлю ещё и на разгрузку. Давай на выход. Нельзя находиться здесь, опасный груз.

— Лететь с ним неопасно, а машину в прохладе дожидаться, охренеть как опасно... — пробурчал один из «дедов», и бойцы, лениво собрав свои пожитки, поплелись в хвост.

Экипаж прыгнул в прибывший УАЗик, машина лихо умчалась вдаль.

Пять минут на раскалённой до 80 градусов бетонке лётного поля, для непривычного к жаре сибиряка или дальневосточника – это шок, похлеще нырка в ледяную прорубь. Новенькие, построенные сержантом из старослужащих под крылом самолёта, смотрели

теперь на сходящих с борта бывалых военных, со страдальческими лицами и глазами, в которых читался один вопрос: «Неужели здесь можно выжить?»).

Машин всё ещё не было. Часовой подошёл к двум полковникам, что прятались в тени хвостового оперения:

— Та полкани. Ходить туда от парель. Нэлза здэс. Граница поста тэпэрь, — чёрный лицом маленький солдат, ростом почти как его автомат с пристёгнутым штык ножом, показал рукой на другую тень – под крылом, и поставил в десяти метрах напротив открытой аппарели табличку: «Стой! Граница поста».

Полковники, сморщившись от жары как урюк, молча перешли к группе построенных бойцов. Те вытянулись. «Деды» – десантники, даже не шелохнулись. Они сидели на бушлатах возле шасси, ожидая, когда колёса остынут после посадочного торможения, и на них можно будет облокотиться. Хотя в душе, бойцы, конечно, надеялись, что лётчик не обманул, и машины приедут значительно раньше.

— Охренеть пекло, — произнёс один из полковников, обращаясь к Сергею. — И что, здесь так всё лето?

— Ну... не всё, но частенько – да. Бетон ещё. Вы бы свой дипломат убрали в тень.

Полковник подошёл к чемоданчику и переставил его ближе к фюзеляжу. На белом покрытии остались четыре тёмных следа от расплавленных пластиковых ножек поклажи. Полковники рассмеялись, изучая первые повреждения, полученные в командировке, и притрагиваясь к расклеенной чёрной поверхности дипломата:

— Ты смотри, а то сейчас коньячок твой закипит, — пошутил один из них. — Где там эти чёртовы встречающие?! И покурить нельзя... — очень быстро его шуточный тон сменился раздражением.

Прошло уже десять минут. Солнце поднималось в зенит. Тень смещалась, и люди, как муравьи, передвигались за ней. Кузнецов посмотрел на измученных уже «новеньких». Подошёл к ним:

— Сержант, что ты выстроил их, как на строевом смотре? Пусть сидят, а то ещё пару минут и посыпаются аки листики с банного веника. Здесь разрешено ношение формы с растёгнутой верхней пуговицей и закатанными рукавами. Распорядись.

Солдаты с облегчением упали на свои бушлаты, посмотрев на подполковника как на библейского спасителя.

Вдалеке показался уазик и пузатый автобус ПАЗ. Ожидающие оживились. Уже направляясь к машине, Кузнецов подошёл к молодым солдатам:

— Давай, зёма, — протянул он ладонь долговязому младшему сержанту, — служи нормально и слушай командиров. Не лезь никуда. Тебя, как зовут, кстати?

— Ярослав... младший сержант Пономарёв... Ярослав Юльевич, — сбиваясь от волнения, произнёс парень.

— Удачи, Ярослав Юльевич, — улыбнулся подполковник и поспешил в ожидающий автомобиль.

Бойцы с удивлением и некоторым уважением посмотрели на товарища, успевшего закарифаниться уже с каким-то подполком. «Блатной, что ли, капрал-то у нас!» — слышалось сзади. «Ярослав Юльевич! Ни хрена себе...» — и дружный гогот покотился по раскалённому лётному полю.